

12. Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь : Пермское книжное изд-во, 1959.

УДК 343.01+908

ББК Т.3(2)53

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Г.Л. Решетников

Екатеринбург

**ПРЕСТУПНОСТЬ В ОКРУГЕ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА В
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбургский окружной суд, преступность, подсудность, уголовная статистика

АННОТАЦИЯ: В представленной статье рассмотрено состояние преступности в Екатеринбурге в последней четверти XIX века по данным Екатеринбургского окружного суда. Особое внимание уделено структуре преступности и ее динамике в течение всего рассматриваемого периода, анализу причин роста преступности. Рассмотрены также этнический и конфессиональный компонент преступности в регионе.

G.L. Reshetnikov

Yekaterinburg

**CRIMINALITY IN YEKATERINBURG DISTRICT
COURT IN THE LAST QUARTER OF XIX CENTURY**

KEY WORD: Yekaterinburg district court, criminality, jurisdiction, criminal statistics

ABSTRACT: This article deals with criminality in Yekaterinburg in the last quarter of XIX century. The analysis is based on the documents of Yekaterinburg district court. Special attention is drawn to the structure of criminality and its dynamics through the period under consideration. Author analyzed also reasons of the rise of crime rate, ethnic and confessional components of crime in the region.

Последняя четверть XIX века в российской истории характеризуется глубокими социально-экономическими процессами, существенно изменившими облик огромного государства. В пореформенную эпоху Россия превратилась из аграрной страны в аграрно-индустриальную, высокими темпами в ней развивались капиталистические отношения, разлагались феодальная система ведения сельского хозяйства, формировались классы промышленной

и сельской буржуазии. Среди прочего это закономерно влекло очевидные изменения в картине общеуголовной преступности, о чем свидетельствует официальная уголовная статистика и труды крупнейшего дореволюционного специалиста в этой области Е.Н. Тарновского [6,7,8]. Одной из задач уголовной статистики того времени было отражение региональных аспектов уровня, структуры и динамики преступности, которая чутка к влиянию местных условий. Дело в том, что Российская империя была исключительно разнородна с точки зрения экономической специализации регионов, социального, национального, религиозного, полового состава населения, его плотности, уровня грамотности и культуры. Урал был регионом России, который также имел ряд специфических особенностей (оригинальный строй промышленности, сословная группа горнозаводских рабочих), что в известной мере отличало его как от центральных великорусских губерний, так и от Сибири и национальных окраин. Что же касается преступности, то еще в крепостное время в Уральском регионе и особенно в Пермской губернии отмечался её повышенный уровень. Обращая на это внимание, судебные статистики К. Орлов и А. Хвостов видели причины такого положения в близости Пермской губернии к Сибири, здесь скапливались беглые ссыльные и каторжники, совершавшие новые преступления. Кроме того они ссылались на особенности состава уральского населения, включавшего татар, башкир, мещеряков и других инородцев, у которых, по мнению указанных авторов, склонность к воровству составляла как бы «наследственный порок» [4. С.46]. Как же изменилась ситуация с преступностью в пореформенное время? Мы предпримем попытку рассмотреть данный вопрос применительно к округу Екатеринбургского окружного суда, охватывавшему Екатеринбургский, Ирбитский, Верхотурский, Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии. Необходимыми источниками стали архивные материалы самого суда и относящиеся к нему сведения официальной уголовной статистики за 1874-1894 гг., опубликованные министерством юстиции России в 1899 году [2]. Наибольший интерес представляет статистическая справка, подготовленная канцелярией Екатеринбургского окружного суда к 25-летию его деятельности [1]. Она содержит добротные, квалифицированные обобщения по части уголовной статистики и криминологические наблюдения,

в совокупности рисующие достаточно наглядную картину преступности в одном из районов Урала за четвертьвековой период*.

Как известно, судебная реформа в России проводилась последовательно и поэтапно. В соответствии с этим Екатеринбургский окружной суд (ЕОС) был открыт в один год с Пермским окружным судом 1 сентября 1874 г., что завершило введение в Пермской губернии Судебных уставов от 24 ноября 1864 года в полном объеме. Организационно ЕОС был подчинен Казанской судебной палате. Исходя из численности населения подведомственной территории ЕОС учреждался судом III разряда, то есть имевшим по одному уголовному и гражданскому отделению. Это стало явным просчетом министерства юстиции, не принявшим во внимание уровень преступности в данном районе Урала. Новоиспеченный суд сразу столкнулся с таким объемом уголовных дел, что справлялся с ним с огромным напряжением сил. Так, уже через два года после открытия ЕОС ежегодно рассматривал уголовных дел больше, чем некоторые окружные суды II разряда (Калужский, Харьковский, Екатеринославский, Пензенский) и лишь на 200-300 дел меньше, чем наиболее загруженные окружные суды I разряда — Московский, Курский, Одесский [1. Л. 130]. Чрезвычайно высокая загруженность ЕОС уголовной практикой заставила министерство юстиции уже в ноябре 1877 г. открыть в нём второе уголовное отделение. Но, став судом II разряда, ЕОС в том же году вышел на первое место среди таких судов по числу рассмотренных дел [1. Л. 49]. Статистика последующих лет также фиксирует высокую обремененность уголовных отделений ЕОС. Например, сре-

* Поясняем, что уголовная статистика в пореформенной России строилась, прежде всего, на учете уголовных дел, возбужденных и рассмотренных в главном звене общих судебных установлений - окружных судах. Для исчисления индексов судимости учитывалось также количество осужденных ими преступников. Такая статистика не давала полной и точной картины преступности, поскольку мало-значительные уголовные дела рассматривались органами мировой юстиции (мировыми судьями, а позднее уездными членами судов и городскими судьями), но статическому обобщению подлежали только данные о числе подсудимых и осужденных по проступкам, влекущим наказание в виде тюремного заключения. Необходимо также иметь в виду, что среди крестьянского населения действовали волостные суды, а с 1889 г. - административно-судебные органы в лице земских начальников. Вот почему вне статистического наблюдения оставалось множество совершенных уголовно-наказуемых проступков.

ди окружных судов России он занимал первое место по общему числу решенных дел в 1886, 1888 и 1890 гг., второе — в 1891 г., третье — в 1892, 1893, 1896 гг., четвертое — в 1894 и 1895 гг. [1. Л. 66]. Примечательно, что на фоне таких показателей работы уголовных отделений объем деятельности гражданского отделения ЕОС выглядел очень скромным. За период 1886 — 1896 гг. ЕОС не поднимался выше 40-50-х мест среди окружных судов по числу решенных гражданских дел [1. Л.66].

Анализ уровня преступности посредством индексов судимости более точен и нагляден, однако данные о них в статистической справке канцелярии ЕОС не приводятся, а в материалах официальной уголовной статистики по окружным судам в рамках рассматриваемого периода они даются только за 1890-1894 гг. Индексы судимости опять же подчеркивают лидерство ЕОС. В частности, по числу осужденных на 100 000 населения за преступления против женской чести и за бродяжничество он был первым среди окружных судов России, делил первое место с Варшавским судом по осужденным за мошенничество, а по количеству осужденных за убийство уступал только Усть-Медведицкому окружному суду [2. С.300-303]. Также отметим, что общий индекс судимости в округе ЕОС (74,8) — самый высокий по всем окружным судам, действовавшим в русских, украинских и белорусских губерниях Европейской России. Например, в округе Петербургского суда таковой составлял 59,3, Московского — 51,7, Киевского — 59,1, а в центральных великорусских губерниях со значительным преобладанием крестьянского населения (Воронежской, Пензенской и др.) на 100 000 населения приходилось менее 30 осужденных общими судами [2. С. 125, 128-129]. Наиболее близкий по местным условиям и составу населения округ Пермского суда давал по сравнению с ЕОС существенно меньший индекс судимости (57,3), который тоже был выше среднего. В материалах уголовной статистики по этому поводу констатировалось, что « Пермская губерния представляется стоящею изолированно на Востоке Европейской России своей повышенной преступностью» [2. С. 127].

Итак, вышеприведенные данные свидетельствуют, что в течение последней четверти XIX века округ ЕОС был один из самых неблагополучных районов России в плане общеуголовной преступности, и это колоритная черта дополняет все прочие особен-

ности Уральского края*. Разумеется, что уровень преступности за этот период не оставался неизменным и статистика ЕОС дает возможность проследить его динамику. По подсчетам своей канцелярии ЕОС за 25 лет своей деятельности разрешил 22959 уголовных дел, рассматривая ежегодно по 919 дел [1, Л. 54]. Наименьшее число уголовных дел было зафиксировано в 1876 г. - 703, а наибольшее в 1879 г. - 1209 [1. Л. 54]. 1880-е годы отмечается по количеству уголовных дел как время наивысшего уровня преступности, начало 1890-х годов демонстрирует постепенное снижение проходящих через суд уголовных дел. Например, с 1894 по 1898 гг. их число составляло от 718 до 777 ежегодно [1. Л. 54-55]. Правда, по поводу этих цифр в архивах ЕОС нет никаких упоминаний о том, каким образом на количестве проходящих через суд дел отразились законы от 18 мая 1882 г. и от 7 июля 1889 г. Дело в том, что первый закон существенно изменил подсудность между общими и мировыми судами, передав все дела по малозначительным кражам в мировую юстицию. Законом от 7 июля 1889 г., изданным в завершение судебной контрреформы, значительная часть дел о преступлениях против порядка управления (о сопротивлении власти, побегам арестантов, нарушениях равного рода казенных установлений и др.) была переведена из окружных судов в ведение суда с сословными представителями в судебных палатах. В результате применения закона от 18 мая 1882 г. уголовная статистика в общероссийском масштабе уже в 1883 г. зафиксировало количество уголовных дел в общих судах на уровне 1874 г., что конечно не могло быть показателем реального снижения преступности. Но даже с учетом этого обстоятельства, думается можно сопоставить общероссийскую динамику преступности с таковой в округе ЕОС и без риска существенной ошибки отметить их совпадения и расхождения. Так, общероссийская статистика отражала период с 1874 по 1882 гг. как время роста преступности, опережавшего рост населения [2. С. 109]. Рост числа уголовных дел в те годы отмечен

* Справедливости ради отметим, что параметры преступности в округе ЕОС в 1890-1894 гг. уступали тем, что были зафиксированы в Польше и Прибалтийском крае, являющимися также регионами с самой высокой преступностью в Российской империи. Так, наивысший индекс судимости в этот период был отмечен в округе Ломжымского суда в Польше—156. 5 [2. С.125].

и в округе ЕОС. 1884 - 1894 гг. выступают годами определенной стабилизации уровня преступности, когда ее рост не опережал темпов роста численности населения [2. С. 109]. В округе ЕОС весь период 1880-х гг. отмечен наибольшим уровнем преступности, а уже с 1891 г. она начинает постепенно снижаться, несмотря на ощутимое увеличение численности населения*. По мнению чиновников ЕОС этот факт был не случаен, а обусловлен повышением грамотности уральского населения и «смягчением его нравов» [1. Л. 55].

При знакомстве с архивными материалами ЕОС обращает на себя внимание разнообразие практики его уголовных отделений. В статистической справке ЕОС не без гордости отмечалось, что «особенность деятельности Екатеринбургского окружного суда заключается еще в том, что в силу своего географического положения и крайнего различия между отдельными местностями округа Суда, в нем изумительное разнообразие дел и живая работа его имеет мало общего с монотонною деятельностью многих других судов Центральной России, которые нередко оперируют с какой-нибудь сотней статей Уложения о наказаниях, между тем как деятельность Екатеринбургского суда настолько разнообразна, что в его практике не встречались лишь весьма немногие преступления» [1. Л. 135]. Было бы излишним описывать все виды преступлений, совершенных в округе ЕОС, поэтому мы остановимся на характеристике распространенности и динамики тех, которые в основном определяли структуру преступности в подведомственных суду уездах.

Анализируя структуру преступности в округе ЕОС по уголовно-правовым основаниям, необходимо сразу отметить высокую распространенность в нем тяжких насильственных преступлений против личности. Например, заурядными были дела по всякого рода убийствам, которых с 1874 по 1899 гг. суд рассмотрел в количестве 2009. Ежегодно в среднем ЕОС рассматривал по 80 та-

* Губернская статистика показывает, что на 1 января 1890 г. в Екатеринбургском, Камышловском, Верхотурском, Ирбитском и Шадринском уездах, в их уездных и заштатных городах проживали 1347973 жителя [4, 1891, С. 49]. К 1 января 1898 г. население этих уездов возросло на 98 722 человека, то есть более чем на 7 % [4. 1899. С. 65].

ких дел, а на 100 уголовных дел их приходилось в среднем почти 9 [1. Л. 77]. Динамика дел по убийствам следующая: в 1870-х годах число ежегодно решаемых дел варьировалось в пределах от 26 до 86, в 1880-е годы - от 74 до 103, в 1890-е годы - от 70 до 106 [1. Л. 77]. Как видим, разницы между 1880 и 1890 гг. почти нет, количество дел по убийствам стабилизировалось на одном уровне при росте численности населения. Но относительно массы остальных уголовных дел они из года в год росли. Если в 1874 г. на 100 уголовных дел приходилось 4 дела по убийствам, то в 1898 г. уже 13 [1. Л. 77].

С 1874 по 1899 гг. ЕОС рассмотрел 2475 дел о нанесении увечий, ран и других повреждений здоровья (в среднем по 97 таких дел в год, а на 100 уголовных дел приходилось 11 дел такого рода) [1. Л. 80]. Статистика суда отражает устойчивый рост этих видов преступлений. Если в 1870-х гг. на 100 уголовных дел приходилось 6 дел по телесным повреждениям, то в 1880-е гг. - 12, а в 1890-е гг. - 24 [1. Л. 80].

Из других посягательств на личность отметим преступления против чести и свободы частных лиц, предусмотренные ст. ст. 1523-1548 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (посягательства на честь и целомудрие женщин, оскорбления личности, клевета и др.). Наиболее распространенными из них в округе ЕОС были преступления против чести и целомудрия женщин. За 25 лет своей работы ЕОС разрешил 657 дел такого рода, ежегодно рассматривая по 26 из них. На каждые 100 решенных дел приходилось 3 дела о посягательствах на честь и свободу частных лиц [1. Л. 85]. Динамика данных преступлений такова: в 1870-е гг. количество ежегодно рассматриваемых дел колебалось от 5 до 19, в 1880-е гг. - от 22 до 43, а в 1890-е гг. от 19 до 37 [1. Л. 85]. Таким образом, преступления против чести и свободы частных лиц в 1890-е гг. количественно снижаются на фоне общего снижения уровня преступности в округе ЕОС.

Тяжкие корыстно-насильственные преступления по сравнению с посягательствами на личность на территории ЕОС имели меньшую распространенность в количественном измерении. За 25 лет суд решил 265 дел о разбоях и 1300 дел о грабежах [1. Л. 91, 93]. В среднем в год суд рассматривал почти 11 дел о разбоях и 52 дела о грабежах, а в процентном отношении примерно одно дело о

разбое ибо грабежах приходилось на каждые 100 уголовных дел [1. Л. 91, 93]. Динамика разбоев показывает, что в 1870-е гг. ежегодное количество дел по ним колебалось от 1 до 18, в 1880-е гг. был отмечен рост таких преступлений (от 7 до 21), а в 1890-е гг. произошло их снижение (число дел варьировалось ежегодно от 3 до 14) [1. Л. 91]. Значительное снижение было зафиксировано также по грабежам. Если в 1870-е гг. ежегодное количество таких дел было от 31 до 70, а в 1880-е гг. они участились (от 51 до 109 ежегодно), то в 1890-е гг. начался процесс резкого снижения этих преступлений (от 14 до 56 дел ежегодно) [1. Л. 93]. Как видим, число дел по грабежам в 1890-е гг. снизилось по сравнению с предыдущим десятилетием примерно наполовину и даже оказалось ниже уровня 1870-х гг.

Естественно, самыми распространенными имущественными преступлениями были кражи. За период 1874 - 1899 гг. ЕОС решил 4 461 дело по кражам, ежегодно рассматривая примерно по 178 таких дел (из каждых 100 уголовных дел 19, были о кражах) [1. Л.96]. По статистике ЕОС в 1870-е гг. ежегодно рассматривалось от 37 до 266 дел о кражах, в 1880-е гг. - от 135 до 298, в 1890-е гг. от 130 до 215 [1. Л. 96]. Однако, как уже указывалось, мы не знаем каких образом на статистике краж отразился закон от 18 мая 1882 г., передавший ряд категорий дел такого рода в мировую юстицию. Но что касается 1890-х гг., то можно утверждать, что в эти годы наступила стабилизация данного вида преступлений. В частности, на каждые 100 уголовных дел в 1890 г. приходилось 18 дел о кражах, 1891 г. - 16, 1892 г. - 22, 1893 г. - 20, 1894 г. - 21, 1895 г. - 26, 1896 г. - 25, 1897 г. - 18, 1898 г. - 18 [1. Л. 96].

Прочие виды имущественных преступлений по сравнению с кражами в практике ЕОС имели гораздо меньшую распространенность. Некоторые из них исчисляются буквально единицами. Так, за 25 лет было решено всего 9 дел о насильственном завладении недвижимым имуществом и истреблении граничных меж и знаков [1. Л. 89].

Среди других видов преступлений, определявших в главных чертах структуру преступности в округе ЕОС, необходимо выделить преступления против общественного благоустройства и благочиния. За 25 лет было рассмотрено 5 320 таких дел (примерно 24 % от всех) [1. Л. 73]. Из них основную массу составили дела о

бродяжничестве. Динамика данных дел сводится к их постепенному сокращению, особенно в 1890-е гг. [1. Л. 73-75]. Весьма распространенными были преступления против порядка управления. За четверть века ЕОС рассмотрел 2 772 дела такой категории (примерно по 111 дел ежегодно, 12 на каждые 100 уголовных дел) [1. Л. 62]. Из них наиболее частыми были случаи оскорблений и явного неуважения к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности (1 098 дел), а также взломы тюрем, уводы и побеги лиц из под стражи или надзора (973 дела) [1. Л. 62]. Преступления против порядка управления обнаружили устойчивую тенденцию к абсолютному и относительному росту. В 1870-е гг. ежегодно в среднем ЕОС рассматривал 56 таких дел (от 5 до 8 дел на каждые 100), в 1880-е гг. - 121 дело (от 7 до 16 на каждые 100), в 1890-е гг. - 136 дел (от 11 до 18 на каждые 100) [1. Л. 62-63]. При этом необходимо учитывать, что закон от 7 июля 1889 г. передал ряд категорий дел о преступлениях против порядка управления из ведения окружных судов с присяжными заседателями в судебные палаты для рассмотрения их с сословными представителями в качестве суда первой инстанции.

В рассматриваемый период стремление к росту характеризует динамику и некоторых других видов преступлений. В частности, это относится к преступлениям против прав семейственных (против брачного союза, преступления детей против родителей, злоупотребление родственной властью, кровосмешение, прелюбодеяние между родственниками и др.). ЕОС решил 274 таких дела (1,2 % от всех уголовных дел), причем в 1870-е гг. ежегодно рассматривал от 3 до 7 таких дел, в 1880-е гг. - от 2 до 23, в 1890-е гг. - от 10 до 27 [1. Л. 87]. Заметен был рост преступлений против религии. Если в 1870-е гг. ЕОС рассматривал ежегодно от 3 до 14 таких дел, то в 1880-е гг. - от 3 до 23, а в 1890-е гг. - от 13 до 31 [1. Л. 51].

Таким образом, в течение 25 лет структура преступности в округе ЕОС претерпела очевидные изменения. Тяжкие преступления против личности и собственности испытали в 1890-е гг. абсолютное или относительное снижение (разбои, грабежи, преступления против чести и свободы частных лиц) или же устойчивую стабилизацию в абсолютном измерении (убийства). Одновременно возросло число преступлений против телесной неприкосновенно-

сти, стабилизировался уровень краж. Снижение числа преступлений и проступков против общественного благоустройства и благочиния сопровождалось ростом посягательств на государственные и общественные институты (систему управления, семью и религию). Как подчеркивает статистическая справка ЕОС, преступность с годами изменялась от крайне жестоких «зверских» проявлений в сторону большей человечности [1. Л. 55].

Архивные материалы ЕОС дают возможность проанализировать структуру преступности в его округе и по некоторым криминологическим основаниям, к примеру, по половому и возрастному признакам.

Общероссийская уголовная статистика отмечала за период 1884-1894 гг. возрастание числа осуждаемых женщин в большинстве судебных округов [2. С. 137]. Но ЕОС входил в группу семи судов, в которых процент представительства женщин среди осужденных оставался почти без перемен [2. С. 138]. Более того ЕОС замыкал группу из десяти окружных судов, имевших наименьшее отношение количества женщин среди осужденных — менее 9% [2. С. 140]. Внутренняя статистика ЕОС также свидетельствует, что на каждые 100 осужденных в его округе приходилось примерно 9 женщин [1. Л. 56]. Женскую преступность в округе ЕОС можно охарактеризовать следующими данными. Так, наибольший процент женщин среди осужденных был отмечен в делах по преступлениям против прав семейственных и прежде всего в делах о посягательствах на брачный союз. На каждые 100 судимых по этим делам приходилось 61 женщина и привлеченные к ответственности за данные преступления женщины составили 4 % всех состоявших под судом представительниц своего пола [1. Л. 87]. Заметным представительством женщин отличались дела по преступлениям против религии [1. Л. 51]. Особо следует сказать об убийствах. С 1874 по 1899 гг. в округе ЕОС к уголовной ответственности за убийства были привлечены 834 женщины, что составило почти 24 % от всех состоявших под судом женщин [1. Л. 77*]. У мужчин отношение убийц к другим преступникам было гораздо меньшим

*Заметим, что немалую часть осужденных за убийства женщин составили те, которые прошли оп делам об убийствах новорожденных и незаконнорожденных детей.

— примерно 7 % [1. Л. 77]. Причем за этот период обнаружилась тенденция к некоторому росту числа осуждаемых за убийства женщин, сопровождаемое обратным процессом у мужчин [1. Л. 78].

В остальных видах преступлений повышенное представительство женщин не отмечается. Так, они редко осуждались за разбой и грабежи. Самое большое число осужденных за разбой женщин пришлось на 1882 г. - всего 6 [1. Л. 91]. Подобная ситуация была и с грабежами. Единственное, что обращает на себя внимание по этим преступлениям, так это высокая доля осужденных женщин из числа городских обывательниц. Горожанки составили 27% от всех осужденных за грабежи преступниц [1. Л. 94].

Преступность несовершеннолетних в возрасте от 10 до 21 года^{**} в последней четверти XIX века уже представляла для российского правосудия серьезную проблему. География преступности среди несовершеннолетних характеризовалась её большей распространенностью в западных регионах России, отличавшихся большей численностью городского населения и интенсивным развитием промышленности [2. С. 152-153]. Пермская губерния, как один из старых промышленных центров, также не избежала подобной участи. Е.Н. Тарновский отмечает Пермскую губернию как имевшую уровень преступности лиц до 17 лет выше среднего. Причем по сравнению с периодом 1884-1889 гг. в 1890-1895 гг. прирост числа осужденных в таком возрасте составил по мировым и общим судам Пермской губернии 44 % при среднем показателе 15 % [8. С. 6, 15]. Статистика ЕОС также подтверждает, что с 1874 по 1899 гг. отчетливо наблюдался рост доли преступников в возрасте от 17 до 21 года в общей массе подсудимых, особенно в 1890-е гг. Это расценивалось судебными деятелями как «одно из наиболее нежелательных явлений общественной жизни и шаг назад по пути морального прогресса народных масс» [1. Л. 61].

При общем соотношении несовершеннолетних и взрослых преступников в округе ЕОС как 13 на 100 преступность в нем характеризовалась высоким представительством несовершеннолет-

^{**} Точнее говоря, в дореволюционном уголовном праве преступники в возрасте от 10 до 14 именовались малолетними, а в возрасте от 14 до 21 года — несовершеннолетними.

них в некоторых категориях преступлений. Наибольшим оно было в посягательствах на честь и целомудрие женщин. По данным делам на каждые 100 приговоренных к наказанию мужчин приходилось 40 несовершеннолетних [1. Л. 86]. Значительным был процент несовершеннолетних (20 % мужчин и 9 % женщин) по делам о нанесении ран, увечий и других повреждений здоровья [1. Л. 79]. Несовершеннолетние в возрасте от 10 лет до 21 года составили 16, 5 % всех осужденных за убийства мужчин и 23 % женщин [1. Л. 79]. В имущественных преступлениях (кражи, разбои, грабежи, истребление имущества путем поджога) их участие также было заметным, превосходящим отмеченный выше общий уровень [1. Л. 90, 91, 94, 98].

Несколько слов необходимо сказать об уровне рецидивной преступности в округе ЕОС*. В статистической справке ЕОС о ней нет сведений, и мы можем опираться только на данные, опубликованные Е.Н.Тарновским. Он зафиксировал, что в период 1893-1897 гг. при среднем для окружных судов рецидиве 24% в округе Екатеринбургского суда таковой составил 25%, то есть был чуть выше среднего [6. С. 131]. Среди судов Казанской судебной палаты ЕОС отличался этим в худшую сторону. Только Казанский окружной суд имел уровень рецидивной преступности в 31 %, у остальных судов палаты (Симбирского, Вятского, Сарапульского, Пермского) этот показатель не превышал 22% [6. С. 130-131].

Почему же в Уральском крае уровень преступности был одним из самых высоких и в России? Юристы XIX века, исходя из представлений того времени о причинах и условиях преступности, объясняли такую ситуацию влиянием местных условий. Мы уже упоминали высказывание на этот счет И.Орлова и А. Хвостова [См.: 4. С. 46]. Как и они, зависимость между уровнем преступности в округе ЕОС и особенностями состава населения усматривал председатель ЕОС с 1894 по 1908 гг. А.А. Медем. В своей статье, посвященной 25-летию ЕОС, он отмечал, что население Екатеринбургского и Верхотурского уездов — центра горнозаводского Урала — более чем на половину было занято на горных заводах, фабриках, рудниках, золотых приисках, а также в сфере кустарных

* В то время она учитывалась не по общему, а только по специальному (однородному) рецидиву.

промыслов. Ирбитский уезд сохранял в основном земледельческий характер, и в еще большей степени это относилось к зауральским Камышловскому и Шадринскому уездам, хотя часть их жителей через отхожие промыслы уже была связана с уральской промышленностью. Уголовная статистика ЕОС свидетельствовала, что в отличие от крестьянского населения фабрично-заводская среда поставляла относительно большее число преступников. Как подчеркивал Л.А. Медем, фабрично-заводские рабочие, постоянно подвергая себя на работе массе случайностей, не дорожили ни своими, ни чужими жизнями. Этим он объяснял относительно большую распространенность среди фабрично-заводского населения убийств, посягательств на телесную и половую неприкосновенность, а также имущественных преступлений [3. № 47. С. 2243]. Надо полагать, что в качестве криминогенных факторов выступали и такие не упомянутые А.А. Медемом явления уральской фабрично-заводской жизни, как перенаселенность заводских поселков, скрытая безработица и вызванные ею сокращенные рабочие и «гулевые» дни, не говоря уже о бедности, тяжелых условиях труда и быта, неграмотности большинства рабочих.

Подчеркнем, что основная масса рабочих в силу специфики уральской промышленности была сосредоточена во внегородских фабрично-заводских, рудничных и приисковых поселках, а главные отрасли промышленности не были связаны с городской экономикой. Что же касается соотношения собственно городского и крестьянского населения на Урале, то к концу XIX века сельские жители по-прежнему значительно превосходили по численности все прочие сословия. Вот почему крестьяне составили в абсолютном измерении большинство осужденных в округе ЕОС. Такие деяния как преступления против прав семейственных и преступления против религии совершались почти исключительно сельскими обывателями [1. Л. 52, 88]. Относительное преобладание осужденных из числа городских обывателей было отмечено только по делам мошенничества, присвоении, растрате, подлогах [1. Л. 100].

По мнению А.А. Медема, на состояние преступности в округе ЕОС оказывало влияние проживания в нем раскольников и старообрядцев, а также мусульман-башкир и язычников-вогулов, указывая, что данные категории населения составляли более 200000

человек или 15 % всего населения округа [3. № 47. С. 2244]*. Статистика ЕОС с 1874 по 1899 гг. зафиксировала среди подсудимых 609 мужчин и 159 женщин из числа раскольников [1. Л. 61]. По сравнению с общим соотношением осужденных мужского и женского пола преступниц-раскольников оказалось почти втрое больше, чем мужчин. На каждую условную тысячу приговоренных к наказанию пришлось 29 мужчин и 82 женщины из числа раскольников [1. Л. 61]. Пропорционально своей численности женщины — раскольницы садились на скамью подсудимых чаще, чем православные. Например, за преступление против религии раскольников было осуждено в пять раз больше, чем православных [1. Л. 51]. Впрочем, по данным преступлениям непропорционально велик и процент мужчин — раскольников. В некоторые годы их судили за преступления против веры вдвое, втрое и даже впятеро больше, чем православных мужчин [1. Л. 52]. Но за исключением этого специфического вида преступлений по другим процент раскольников примерно соответствовал их доле в общем количестве населения.

Иное положение было с мусульманским населением. Осужденные ЕОС женщины — мусульманки исчисляются буквально единицами. Причиной тому была национальная замкнутость и почти полная изоляция мусульманок от внешнего мира. Но по некоторым видам преступлений было отмечено непропорционально большое представительство мужчин — башкир. В частности, на каждые 100 осужденных за грабежи приходилось 7 мусульман, на 100 осужденных за разбои — уже 16, а среди каждых 100 осужденных за кражи насчитывалось 25 мусульман [1. Л. 92, 94, 98, 99]. Надо добавить, что объектом посягательств по данным преступлениям были почти исключительно лошади. Как указано в статистической справке ЕОС, конокрадство у башкир было «важным подспорьем в их донельзя упавшем, скудном хозяйстве» [1. Л. 99]. Оно характеризовалось и высоким уровнем рецидива. Отмеча-

*Эти данные расходятся с официальными цифрами. Губернская статистика за 1890 год показывает, что в подведомственных ЕОС уездах проживали 38 834 раскольника и 46 875 мусульман [4, 1892. С.64-65]. Тем самым они составляли примерно 7% от общего числа жителей этих уездов. Кажется невероятным, что к 1899 году, когда была опубликована статья А.А. Медема, численность раскольнического и мусульманского населения возросла более чем в два раза.

лось, что «башкир, судящийся за вторую и третью кражу лошади, явление самое заурадное» [1. Л. 99].

По преступлениям против личности мусульмане составляли не более 3 - 4 % от общего числа осужденных, что в целом соответствовало их доле в составе населения [1. Л. 99].

Можно сделать вывод, что влияние раскольнического и мусульманского населения на состояние преступности в округе ЕОС было частным и отчетливо обнаруживалось только по некоторым видам преступлений.

К факторам, вызывавшим повышенный уровень преступности в округе ЕОС, А.А. Медем также относил близость Пермской губернии к Сибири. Через Екатеринбург проходил Сибирский тракт, служивший маршрутом беглых преступников, ссыльных и бродяг на пути в Европейскую Россию [3. № 47. С. 2244-2245]. Насколько они осложняли криминогенную обстановку можно судить по тому, что в 1874 г. бродяги и ссыльные составили в ЕОС 71% подсудимых, а в 1875 — 54% [1. Л. 60]. По ряду видов преступлений доля этих элементов очень велика. Например, по преступлениям и проступкам против общественного благоустройства и благочиния из 100 осужденных мужчин 91 были из числа бродяг, из 100 осужденных женщин — 56 [1. Л. 75]. Большинство из них осуждалось опять же за бродяжничество. Беглые ссыльные составили 34% осужденных ЕОС за преступления против порядка управления [1. Л. 64]. Судили их главным образом за простые и квалифицированные (сопряженные с насилием) побег, взломы мест заключения и т.п. Довольно заметно было участие беглых ссыльных и бродяг в делах о разбоях (5 % от общего числа осужденных) и кражах (4%) [1. Л. 92, 98]. В материалах официальной уголовной статистики за 1874-1894 гг. утверждалось, что «повышение преступлений против половой нравственности в Пермской губернии...может быть в известной мере объяснено наплывом в эти местности пришлых элементов (бродяг из Сибири...)» [2. С. 131]. Этот вывод прямо не подтверждается уголовной практикой ЕОС. Более того в его статистической справке специально оговаривается, что среди осужденных за посягательства на честь и целомудрие женщин за все 25-летие не встретилось ни одного бродяги или беглого ссыльного [1. Л. 86]. Факт сам по себе примечательный, но совершенно необъяснимый!

Влияние наплыва беглых ссыльных и бродяг на состояние преступности в округе ЕОС с годами ослабло за счет строительства 1880-1890 гг. Сибирской железной дороги через Челябинск. Основная масса данных лиц предпочла для перемещений путь вдоль линии этой дороги. К 1898 г. они составляли в округе ЕОС уже примерно 10 % от общего числа подсудимых [1. Л. 60]. Следует также учитывать, что уголовная статистика за период 1874-1894 гг. зафиксировала заметное уменьшение числа дел о бродяжничестве в масштабах всей России [7. С. 140].

Конечно, отмеченные А.Л. Медемом обстоятельства влияли на состояние преступности в округе ЕОС. Но думается, кроме них были и более глубокие криминогенные факторы, которые были связаны с социально-экономическими процессами второй половины XIX века и переходным характером пореформенной эпохи. Рушились сформированные веками феодализма жизненный уклад, система ценностей и мораль, ослабевал социальный контроль в крестьянской среде, интенсивней стала миграция населения. Вследствие этого росла численность маргинальных и деклассированных элементов, составлявших питательную почву преступности. Разумеется, все это не могло не сказываться отрицательно на картине преступности в уральском регионе. Однако нарождались и благоприятные в криминогенном плане факторы. Снижение уровня преступности в округе ЕОС в 1890-е гг. несомненно, можно считать следствием начавшегося тогда промышленного подъема и связанного с ним постепенного роста жизненного уровня и грамотности уральского населения.

Отношение среднего ежегодного числа осужденных
на 100 000 населения
(за 1890-1894 гг.) (фрагмент таблицы) [2. С. 300-303].

Окружные суды	Виды преступлений											
	Убийство	Преступления против нравственности	В том числе преступления против женской чести	Другие преступления против личности	Преступления против личности вообще (1,3 и 4)	Бродяжничество	Мошенничество	Насильственное похищение имущества	Кража и святотатство	Имущественные преступления вообще	Остальные преступления	Все преступления вообще
Казанский	2,2	0,9	0,2	4,0	6,4	1,7	0,7	0,9	14,0	16,3	11,3	36,4
Симбирский	3,1	0,5	0,3	4,1	7,5	1,0	1,0	1,3	19,3	24,1	15,1	47,9
Вятский	2,4	0,5	0,2	6,1	8,7	0,7	0,3	1,0	10,1	12,1	10,5	32,3
Сарапульский	3,0	1,2	0,4	6,6	10,0	1,0	0,5	3,1	14,4	18,8	16,2	46,8
Пермский	4,3	1,5	0,7	8,6	13,6	5,0	0,8	2,6	19,7	24,0	13,9	57,3
Екатеринбургский	5,2	2,0	1,0	6,5	12,7	10,8	2,4	3,6	18,4	25,5	24,8	74,8
Среднее по всем окружным судам	2,5	2,8	0,3	7,0	9,8	1,1	0,6	1,9	16,5	19,8	16,1	49,3

Источники:

1. ГАСО. Ф. II. Оп. 1. Д. 10.
2. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. 1874-1894 / Под ред. Е.Н. Тарновского. Спб., 1899.
3. Медем А.А. Краткий очерк 25-летней деятельности Екатеринбургского окружного суда // Право. 1899. № 47, 49.
4. Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России // Журнал министерства юстиции. 1860. № 10.
5. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии.

Литература:

6. Тарновский Е.Н. Данные уголовной статистики о рецидиве в об-

щих и мировых судебных установлениях // Журнал министерства юстиции. 1901. №4.

7. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-1894 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3.

8. Тарновский Е.Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал министерства юстиции. 1899. №

УДК 94(47).05

ББК Т.3(2)511-06

ГСНТИ. 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Е. С. Соколова

Екатеринбург

**ОБОСНОВАНИЕ НАДСОСЛОВНОЙ ПРИРОДЫ
РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕТРА I О ПОРЯДКЕ
ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ.: ОПЫТ
ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт престолонаследия, надсословная монархия, государственный патернализм, имперское законодательство, правовая политика, принцип законности, правительственная элита, правосознание, политическая практика.

АННОТАЦИЯ: в статье выявлена теоретико-юридическая основа института престолонаследия в российском законодательстве первой четверти XVIII в.; автор делает вывод о том, что в условиях династического кризиса 1725 г. сторонники правления Екатерины I рассматривали принцип законности как правовую гарантию сохранения надсословного имиджа российского самодержавия, необходимого для последовательной корректировки петровских реформ.

E.S. Sokolova

Yekaterinburg

**JUSTIFICATION OF THE OVER-ESTATE NATURE OF
RUSSIAN AUTOCRACY IN THE LEGISLATION OF
PETER I ON THE ORDER OF SUCCESSION TO THE
THRONE AND THE POLITICAL PRACTICE OF THE
FIRST HALF OF THE 1720S: EXPERIENCE OF THE
HISTORICAL AND LEGAL RECONSTRUCTION**